

УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА КОНЦА XIX ВЕКА

Селивёрстова М. А., Арапова О. С., Брагина А. О., Смагина В. Ю., Станченкова А. Г., Алиева М.Г.

Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета (662544, г. Лесосибирск, e-mail: seliverstova.mariya.96@mail.ru).

Авторы статьи определяют с пониманием «усадебного текста» в трудах историков, культурологов, филологов, выявляют основные компоненты «усадебного текста», позволяющие воплотить важнейшие жизненные ценности русского человека: актуализацию родовых и семейных связей, преломление вечностных аспектов в современном течении жизни, связь с природой и др. Актуальность представленной работы заключается в том, что «усадебный текст» выявляется в рассказах А.П. Чехова конца XIX века и рассматривается как важнейшая форма проявления авторской позиции, позволяющая конкретизировать оценку писателем жизненных установок его персонажей – современников автора. В качестве смыслообразующих компонентов «усадебного текста» А. Чехова рассмотрены образы дома, сада, парка, церкви, а также образы отдельных деревьев (ели, липы, ивы и др.) выявляется их семантика, способствующая установлению системообразующих связей между компонентами усадебного текста как важнейшего социокультурного феномена русской жизни XIX века. Авторы устанавливают связь основных элементов усадебного текста с мифологическим контекстом: наиболее важными для характеристики мировоззрения Чехова являются мифологемы дома и сада. Анализ прозы Чехова позволяет авторам статьи говорить о свернутости усадебного текста в его творчестве.

Ключевые слова: усадьба, усадебный текст, локальный текст, художественное пространство, хронотоп, дом, сад, парк.

ESTATE TEXT IN A. P. CHEKHOV'S PROSE OF THE LATE XIX CENTURY

Seliverstova M. A., Arapova O. S., Bragina A. O., Smagina V. U., Stanchenkova A. G., Alieva M. G.

Lesosibirsk pedagogical Institute-branch of the Siberian Federal University (662544, Lesosibirsk, e-mail: seliverstova.mariya.96@mail.ru).

The authors of the article are determined with the understanding of the "estate text" in the works of historians, culturologists, philologists, identify the main components of the "estate text", allowing to embody the most important life values of the Russian person: the actualization of family and family ties, the refraction of the eternal aspects in the modern course of life, the connection with nature, etc. the Relevance of the presented work is that the "estate text" is revealed in the stories Of Chekhov of the end of the XIX century and is considered as the most important form of manifestation of the author's position, allowing to concretize the writer's assessment of the life attitudes of his characters – contemporaries of the author. The images of a house, a garden, a Park, a Church, as well as the images of individual trees (spruce, Linden, willow, etc.) are considered as meaning-forming components of the "estate text". their semantics are revealed, contributing to the establishment of system-forming relations between the components of the manor text as the most important socio-cultural phenomenon of Russian life of the XIX century. The authors establish the connection of the main elements of the manor text with the mythological context: the most important for the characteristic of Chekhov's worldview are the mythologems of the house and the garden. Analysis of Chekhov's prose allows the authors to talk about the convolution of the estate text in his work.

Key words: estate, estate text, local text, art space, the chronotope, house, garden, park.

Усадьба – это не только явление культуры и истории России, но и литературный образ, который представляет собой родовое дворянское гнездо, связанное с историей дворянской семьи, воплощающее ее жизненные ориентиры, оказывающее влияние на жителей окрестных поселений. Все это обусловило особый интерес к феномену русской усадьбы историков, культурологов, филологов и других представителей гуманитарного направления, чьи работы способствовали появлению «усадебного текста» как локального текста русской культуры и литературы. Как отмечают авторы таких трудов, в работах, посвященных усадьбе XVIII – начала XIX вв., носящих обобщающий характер,

«исследованию подвергалась не усадебная культура в целом, а отдельные ее стороны – архитектура, парки, театр, собрания живописи и прочее» [5:7–12].

Русское имение на протяжении XVII-XIX вв. часто изображалось в художественной литературе, но присутствие отдельных образов усадьбы в произведениях искусства (художественной прозе, поэзии, живописи и т.п.) не позволяет говорить о том, что они репрезентируют усадебный текст. Под усадебной «подразумевается поэзия, в которой воссоздается образ усадьбы, представленный в нескольких, наиболее характерных аспектах: пространственно-временных, аксессуарных, символично-метафорических» [4:387].

Усадебный текст и русская усадебная культура являются предметом изучения самых разных научных сфер гуманитарной науки. В научных исследованиях по культурологии, истории, философии, литературоведении рассматриваются проблемы, связанные с осмыслением усадебной культуры как феномена, воплощающего глубинные пласты духовной и материально-бытовой жизни. В работах исследователей даны различные толкования «усадебного текста», представляющего собой, прежде всего, разновидность локального текста.

Актуальность представленной работы заключается в том, что в ней «усадебный текст» рассматривается как форма проявления авторской позиции, точки зрения А.П. Чехова на жизненные ценности его современников.

Для того, чтобы определить, какие тенденции жизни России А.П. Чехов воплощает в своих рассказах конца XIX века посредством обращения к усадебному тексту, необходимо определиться с самим понятием «усадебный текст», основными его компонентами и их семантикой, а также выявить вектор их изменений в произведениях Чехова.

В. Г. Щукин, одним из первых использовавших термин «усадебный текст», особое внимание уделял его воплощению в русской литературе, изучал его истоки в мифологии.

В работе Жапловой Т. М. выделены следующие черты усадебного текста:

1. Взгляд в прошлое;
2. Склонность к импрессионистическим зарисовкам;
3. Наличие таких героев, как «лишний человек», старый слуга и чистая, одухотворенная, способная сильно и самоотверженно любить девушка;
4. Изображение приезда в родное гнездо;
5. Присутствие в произведении тайных свиданий в «таинственных» местах, любовные перипетии и разочарования» [4:387].

Исследовательница относит эти художественные явления к «сигналам усадебного текста», но справедливо замечает, что использовать их в качестве текстоопределяющих представляется затруднительно в силу их размытости.

Обращение к отдельным компонентам усадебного текста можно отметить и в трудах М. Бахтина, хотя к этому термину он не обращался. В своих работах исследователь обращает наше внимание на характеристику топоса, уголка, детализированное изображение которого репрезентирует «усадебный текст»: «где жили деды и отцы, будут жить дети и внуки <...> в тех же условиях, видевших то же самое <...>, ту же рощу, речку, те же липы, тот же дом» [1:373].

Эти компоненты усадебного текста мы видим и в определении усадьбы, представленном в словаре С. И. Ожегова: «Усадьба – это отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодьями; поселок, место, где расположены жилые дома и хозяйственные постройки совхоза, колхоза; в сельской местности: участок земли при доме» [8:1376].

Подобное определение дано и в современном энциклопедическом словаре: «Усадьба – комплекс жилых, хозяйственных, парковых и других построек, составляющих одно хозяйственное и архитектурное целое» [10:601].

Как видим, подобные определения указывают, прежде всего, на социально-экономические аспекты усадебной жизни, тогда как в работах культурологов и искусствоведов поставлены иные акценты. Так, Т. М. Жаплова указывает: «Усадьба – явление синтетическое, объединяющее архитектурный облик дворянского гнезда и его ландшафтную, садово-парковую среду, особые представления о специфике времени, определяющие жизнь нескольких поколений» [4:387].

Важнейшими системными элементами «усадебного текста» являются художественное пространство и художественное время как формы бытия и мышления, изображаемые в процессе художественного исследования характеров, ситуаций, жизненного пути героев, их речи и прочее. Предложенное М. М. Бахтиным понятие хронотоп «объединяет эти элементы и означает существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1:373]. Применительно к «усадебному тексту» целесообразно использовать «понятие идиллического хронотопа, в котором жизнь человека прикреплена к родному дому, ограничена немногочисленными реалиями (любовь, рождение, смерть, груд, еда, питье, возрасты) и неразрывно связана с ритмами природы» [1:373].

Итак, усадьба – это комплекс зданий и сооружений, организованный и отражающий взгляды дворянства на идеальную частную жизнь. В усадебный комплекс включали: дом, парк, оранжерею, сад, церковь, водоем. Каждый элемент усадьбы соотносится с определенным мифологическим контекстом. Основными мифологемами усадебной культуры являются дом и сад.

Последние десятилетия «усадебный текст» успешно изучается в рамках структурно-семиотического подхода: системообразующие элементы привлекают внимание ученых как

важнейшие при самоидентификации носителей национального менталитета. С этой точки зрения изучаются разные аспекты усадебного текста, представленные в творчестве русских писателей и поэтов XVIII - XX веков. Произведения И С Тургенева, И А Гончарова, И А Бунина, АП Чехова изучаются как метатексты, или тексты-коды, содержащие определенную информацию о той или иной стороне усадебной жизни» [4:387]. Так, исследователи характерным усадебным поэтом считают А. А. Фета, который, по мнению Л.И. Густовой, отразил в своей лирике присущее человеку второй половины XIX века представление об усадьбе: «Это «дом» и «сад», устроенные на лоне природы, когда человеческое едино с «природным» в глубочайшем органическом расцвете и обновлении, а природное не дичится облагораживающего культурного возделывания человеком, когда поэзия родной природы развивает душу рука об руку с красотой изящных искусств, а под крышей усадебного дома не иссякает особая музыка домашнего быта, живущего в смене деятельности труда и праздного веселья, радостной любви и чистого созерцания» [3:304].

В сознании жителя усадьбы дом осмыслялся как внешняя оболочка человека, защищающая его от неожиданностей окружающего мира. Дом - хранитель родовой памяти и семейных реликвий. Общеизвестно соотношение дома с образом древа жизни, связывающего обитателей дома с прошлым, настоящим и будущим.

В социокультурный комплекс усадьбы часто входит церковь. «Церковь говорит о том, что жители усадьбы задумываются о Всевышнем. Где церковь, там и колокола, крест. Колокол отгоняет зло, он выступает в роли талисмана. Звон колокола может знаменовать добрые события, например свадьбу, но может и предупреждать об опасности» [3:304].

Важнейшим компонентом усадьбы выступает сад, репрезентирующий известную мифологию сада, соотносимую с замкнутостью (ограждением) этого культурного пространства, его противопоставленностью дикой природе. При описании сада во многих литературных произведениях представлены образы растений. Самым популярным деревом русской усадьбы была липа – дерево мягкой породы, названное так из-за липкого сока. Липа – символ женской нежности, мягкости, грации и красоты. «Листья липы по форме напоминают сердце, поэтому у восточных и западных славян она сделалась воплощением таких прекрасных человеческих качеств, как сердечность и доброжелательность» [6].

Аналогом сада в произведениях многих писателей и поэтов является парк во многих. Кроме деревьев, в усадьбах выращивали цветы, среди которых были флоксы, жасмин, петунии и др. Рядом с беседками сажали виноград, жимолость, каприфоль, гортензии. В парке особую роль играл дуб – своеобразный центр пейзажного пространства, знаменующий силу рода, неразрывность семейных связей. Эта мысль отчетливо выражена в известном стихотворении. А. С. Пушкина:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов [9].

«Дуб, – писал Д.С. Лихачев, – стал любимым насельником романтического парка не только потому, что он «долгожитель» среди деревьев и, следовательно, свидетель прошлого, но и потому еще, что он не поддается стрижке, как липа; дуб – индивидуальность, которая в эпоху Романтизма стали особенно ценить не только в людях, но и в самой природе» [цит. по: 9].

Еще одним компонентом усадьбы является дорога – символ жизненного пути. Это может быть описание перекрестков, указание на переход дороги животным или другим человеком (отнимание здоровья) и др.

Обязательно в усадьбах встречаются водные объекты: река, озеро, пруд. Культурологи отмечают: «Вода – это знак зазеркалья. Если герой произведения заглядывает в пруд, то тем самым заглядывает в себя» [5:879]. Вода – главный источник жизни, является также символом обновления, очищения.

Часто образу усадьбы сопутствуют определенные запахи. Так, например, персонажи многих произведений Л. Н Толстого начинают ощущать запахи в особые моменты бытия, например, в состоянии влюбленности. Запахи у Л. Толстого удостоверяют искренность переживания персонажей.

Среди писателей, внесших вклад в создание усадебного текста, необходимо назвать и А.П. Чехова, в произведениях которого («Дядя Ваня», «Вишневый сад») художественно воссозданы существенные аспекты русской усадьбы конца XIX- начала XX вв.

Самой «усадебной» считается драма А. Чехова «Вишневый сад», в которой сад является не местом действия, а онтологической основой сюжета пьесы, центральным образом-символом. Известно воспоминание К. С. Станиславского о том, как Чехову нравилось придуманное им название, и он подчеркивал, что это именно «вишнёвый», а не «вишневый». Разница, как ее понял режиссер, заключалась в том, что «вишневый сад – это деловой, коммерческий сад, приносящий доход», а «вишнёвый сад дохода не приносит, он хранит в себе и в своей цветущей белизне поэзию былой барской жизни. Такой сад растёт и цветёт для прихоти, для глаз избалованных эстетов» [4:387].

Усадебным является и написанный в 1896 году рассказ А.П. Чехова «Дом с мезонином», в котором представлено описание усадьбы с центральным ее образом – старым домом: «Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да еще стола, на

котором я раскладывал пасьянс. Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией» [2:639]. Перед нами описание барского дома, ставшего частью окружающей его природы.

В рассказе «Дом с мезонином» представлены и другие компоненты «усадебного текста»: двор, широкий пруд, высокая колокольня, фруктовый сад: «Я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней...с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце» [2:639]. Но герой рассказа ни разу не посетил колокольню, не поклонился ее кресту, что позволяет охарактеризовать героя как не стремящегося к богу. И это не противоречит следующему описанию: «И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка» [2:639]. Всеобщее запустение характеризует мир усадьбы и мир человека, отринувшего традиционные ценности русской жизни, но так пока и не определившегося окончательно с новыми ценностными ориентирами. Т.С. Мясникова справедливо отмечает, что «замкнутое пространство обустроенной природы» [7:34-38] воспринимается читателями особенно отчетливо на фоне неустроенной жизни персонажей рассказа.

Особое внимание обращает автор на деревья, растущие в усадьбе: высокие ели, липа, ива. Образы этих растений способствуют передаче душевных переживаний героев: ель часто воплощает мотив жертвенности, липа соотносится мотивом памяти, ива - с мотивом скорби, печали. В данном рассказе эти мотивы реализуются в образах персонажей, в фабуле и финале произведения: «...в минуты, когда меня томит одиночество и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся... Мисюсь, где ты?».

Показательно, что в произведении неоднократно указывается текущее время действия (июль-август), которое помогает героям определить события в жизненном ряду. Но нигде нет речи о православном календаре, позволяющем включить время человеческой жизни в ряд вечно повторяющихся христианских событий.

Вообще вопрос о религиозности Чехова до сих пор не решен однозначно. Известно, что писатель с детства был погружен в культуру бытового православия: верующими были родители писателя, сам он в детстве постоянно участвовал в церковной жизни. С раннего возраста его окружали иконы, лампы. В библиотеке автора имеются письма и книги

духовного содержания, что говорит о его заинтересованности православием. Интерес к разнообразным проявлениям религиозной жизни сказались во многих произведениях А. Чехова («Святою ночью», «На пути», «Татьяна Репина», «Архиерей» и др.).

В 1879 году А. П. Чехов поступил в Московский университет. Ему было 19 лет и именно тогда на отношение к религии сильно повлияло естественнонаучное образование, полученное на медицинском факультете: культурному сознанию эпохи было свойственно противопоставление веры и знания. В 90-е гг. XIX века А. Чехов признавался, что он человек неверующий.

Вопросы религии почти не отражены в его произведениях конца XIX века, тогда как основное место в них отведено поиску ценностных ориентиров нового периода русской жизни, часто соотносимой с «идейным бездорожьем». Таковы, например, рассказы, объединенные в 1898 году писателем в «маленькую трилогию»: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви».

Образ дома – центральный в усадьбе, представленной и в рассказе А. П. Чехова «Крыжовник»: «Дом был большой двухэтажный. Алехин жил внизу, в двух комнатах со сводами и с маленькими окнами... Наверху же, в парадных комнатах, он бывал редко, только когда приезжали гости» [2:639]. Усадебный текст в этом произведении проявляется более отчетливо: «...луга с усадьбой, рекой, садом, мельницей, с проточными прудами. И рисовались у него в голове дорожки в саду, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах... Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла он не мог себе представить без того, чтобы там не было крыжовника» [2:639]. Как видим, все богатство сада сведено здесь только к крыжовнику, что в контексте других рассказов А.П. Чехова этого периода позволяет увидеть обеднение усадебного текста, его ограниченность.

Таким образом, анализ рассказов А.П. Чехова в контексте «усадебного текста» русской литературы позволяет говорить о ярко выраженной у писателя тенденции к свернутости «усадебного текста», его ограниченности преимущественно домом. Образ сада/парка подвержен такой же тенденции: из множества деревьев упоминаются всего в основном лишь те, что воплощают чувство запустения, заброшенности усадеб, угасания в них жизни.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 2007. – 373 с.
2. Беленький Г. И. Чехов. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит., 2008. – 639 с.
3. Густова Л. И. Трансформация образа усадьбы в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века. - Псков, 2008. – 304 с.

4. Жаглова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX в. – М., 2008. – 387 с.
5. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. – М : Традиция, 2007. – 879 с.
6. Мифологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://myfholology.info/planta/lipa.html>.
7. Мясникова Т. С. Концепт «Старый дом» в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином (рассказ художника)». – Тверь: Вестник ВГУ., 2016. – С. 34– 38.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М., 2012. – 1376 с.
9. Пушкинский дуб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russkaya-usadba.livejournal.com/483138.html>.
10. Современный энциклопедический словарь. - М.: Большая российская энциклопедия, 2007. – 601 с.